

Военные
Приключения

ЖИЗНЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

ГЕННАДИЙ АНАНЬЕВ

Военные приключения (Вече)

Геннадий Ананьев

Жизнью смерть поправ (сборник)

«ВЕЧЕ»

2016

Ананьев Г. А.

Жизнью смерть поправ (сборник) / Г. А. Ананьев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8588-0

Самая короткая ночь июня 1941-го изломала жизнь старшего лейтенанта Андрея Барканова и его коллег-пограничников. Смертельно опасные схватки с фашистскими ордами, окружающими советских бойцов со всех сторон, гибель боевых друзей... И ещё – постоянно грызущая тревога о жене и детях, оставшихся в небольшом латвийском посёлке, давно уже захваченном гитлеровцами... А ветерану Великой Отечественной Илье Петровичу опасности грозят и в мирной жизни. Казалось бы, выхода нет, но на помощь бывшему фронтовому разведчику приходят те, ради кого он был готов отдать жизнь в грозные военные годы.

ISBN 978-5-4444-8588-0

© Ананьев Г. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Две матери	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Геннадий Ананьев

Жизнью смерть поправ

© Ананьев Г. А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Две матери

Глава первая

Мария Петровна медленно шла по сырому от утренней росы песку. Ей виделось, что за двадцать пять лет здесь ничего не изменилось: все тот же робкий накат легких волн, та же затянувшая горизонт дымка, сквозь которую виден край поднимавшегося над морем солнца, красного и холодного, отчего море и песок тоже кажутся холодными и становится зябко и неудобно. Тот же песчаный обрыв в нескольких десятках метров от моря с теми же, оплетенными лозой кольями, чтобы песок не осыпался. Те же разлапистые однобокие сосны с плоскими, как азиатские крыши, вершинами – сосны эти стояли, как и прежде, с повернутыми к морю спинами и тянули свои ветки к более стройным и густым сестрам, словно умоляли их поменяться с ними местами, чтобы подальше от берега укрыться от холодных зимних штормов. Мария Петровна узнавала эти места, и оттого тревожное волнение, возникшее еще вчера, когда она вышла из вагона, все усиливалось и усиливалось.

Солнце ярко вспыхнуло. Слепило. Пробив утреннюю холодную дымку, вонзило миллионы лучей в тусклое море, и оно сразу ожило, засветилось. Даже прибрежный песок вдруг словно потеплел и теперь не отталкивал своей неудобной сыростью, а приятно ласкал глаза серебристым блеском. Мария Петровна, зажмурившись, остановилась.

– Боже мой! Как это жестоко! – вырвалось у Марии Петровны.

В ее памяти отчетливо всплыло проведенное здесь с мужем и детьми прекрасное утро после приезда на заставу. Так же вот вспыхнуло солнце, заискрились море и песок, а Андрей, ее муж, засмеялся, проговорив восторженно: «Чудесно-то как!» – подхватил ее на руки и закружил по песку. Сыновья, Виктор и Женя, подбежали с криком к ним: «Папа, и нас! Нас тоже!» Отец присел, чтобы они ухватились за шею с двух сторон, затем поднялся и пошагал в море. Вода показалась им вначале холодной, особенно детям, и они возбужденно вскрикивали и смеялись, но вскоре обтерпелись, стали брызгаться и окунаться с головой, а Андрей размашисто поплыл навстречу солнцу. Вернувшись, принялся поочередно учить всех их плавать. Особенно долго и терпеливо показывал, как нужно держаться на воде, старшему, восьмилетнему Виктору.

Воспоминания эти оказались настолько яркими, что Марии Петровне казалось, что все это происходило вот сейчас. Она даже слышала возбужденный смех детей, чувствовала обхватившие ее руки Андрея, его дыхание, видела его лицо, его сдержанную улыбку, она даже хотела погладить, как и тогда, его обветренную щеку – она даже подняла руку, но безвольно опустила ее и заплакала. Время для нее потеряло смысл.

Очнулась в конце концов. Отерев слезы, повернула к дюнам и начала подниматься по знакомой тропе вверх. Сколько раз она с детьми, а иногда и с мужем, когда Андрею удавалось выкроить часок-другой из заставской круговерти, ходила на берег, чтобы искупаться или просто посмотреть на море, то спокойное и ласковое, то ревущее и вспененное – посмотреть на корабли, большие и маленькие, неспешно проплывающие вдали. Она сразу полюбила море, голубое, безбрежное, и могла часами смотреть, как нежится оно в лучах солнца. Не пугало ее и штормовое, бросающее высокие волны на песок, которые смывали все, что попадалось им на пути. Наедине со штормовым морем Мария Петровна не чувствовала себя маленькой, беспомощной – море не подавляло ее, как подавляли горы. Их она боялась, привыкнуть к ним не могла, хотя и прожила на Памире, где служил Андрей до перевода в Прибалтику, целых восемь лет. А здесь, едва успев навести порядок в новой квартире, она стала водить детей к морю через старую сосновую рощу, примыкавшую прямо к заставе. Ходили они и в небольшое

рыбацкое село с островерхими крышами домов, окруженных высокими глухими заборами, и к заливу с деревянными причалами, к которым прижимались большие, кажущиеся неуклюжими лодки, пропахшие рыбой. Сразу же Мария Петровна познакомилась со многими женщинами, а с Паулой Залгалис, веселой и хлопотливой хозяйкой небольшого дома, стоявшего на краю села, и ее мужем, молчаливым и хмурым Гунаром, вскоре подружилась. Познакомила с ними и Андрея.

Андрею сразу понравился Гунар. Высокий, немного сутуловатый, широкий в плечах мужчина, он цепко взял протянутую Андреем руку, сжал ее так, что далеко не нежные пальцы Андрея слиплись, и сказал отрывисто, хотя и с сильным акцентом, но по-русски:

– Гунар. Красный латышский стрелок.

Он не добавил слово «бывший», и это покорило Андрея.

Тропа, по которой шла теперь наполненная воспоминаниями Мария Петровна, поднималась на дюны и петляла между гладкоствольными деревьями, а метров через пятьдесят, у старой дуплистой сосны, разветвлялась. У этой развилки Мария Петровна остановилась. Она не сразу решила, куда идти. Влево, в село? Или на заставу?

Обе тропы, как с удивлением она заметила, были заброшены. Местами даже поросли травой. Особенно та, что вела к заставе.

«Странно», – подумала она и решила идти на заставу.

Мария Петровна даже не предполагала, что пограничники перешли в новый городок, построенный ближе к заливу, а старые постройки передали колхозу. Представляя себе, как подойдет к калитке, как встретит ее дежурный и станет расспрашивать, откуда и зачем пришла, она мысленно уже готовила ответы, представляла, как пройдет потом по знакомой дорожке к командирскому домику, где ее встретит жена начальника заставы – Мария Петровна сейчас вспоминала свою прежнюю квартиру так отчетливо, словно не была в ней всего несколько дней. Шаг ее, Мария Петровна даже не замечала этого, ускорялся, а сердце еще более учащенно колотилось в груди.

Опушка. Дорога. За ней застава. Непривычно тихая. На вышке – никого. Калитка открыта. Перейдя дорогу, Мария Петровна нерешительно остановилась у калитки. Ждала, что услышит чей-либо голос или какой-либо шум. Не дождалась. Толкнула калитку.

Немного изменилось и здесь за четверть века: те же дорожки, обложенные красным кирпичом, те же газоны и та же вышка для часового и казарма, которая показалась ей сиротливой. И в самом деле, двери закрыты. Закрыты и окна. Мария Петровна пошла по дорожке через двор к бывшему своему домику. Окна его тоже оказались закрыты ставнями, и он походил на слепца в черных очках.

У Марии Петровны не оставалось никакого сомнения в том, что в их бывшей квартире никто не живет, но она все же поднялась на крыльцо и толкнула дверь. Заперта, похоже. Толкнула еще раз, посильней, дверь не открывалась. А ей так хотелось войти в дом, в их добрый милый дом, где в небольшой комнатке вдруг увидит в кроватках вихрастые русые головки своих детей, а в спальне – Андрея, разметавшегося на диване и негромко похрапывающего, такого, каким часто видела его, засыпавшего на несколько часов после хлопотной бессонной ночи. Увы, запертая дверь не пускала в комнаты, стояла непреодолимым барьером между прошлым и настоящим. Мария Петровна безвольно опустила на ступени крыльца и заплакала.

«Зачем приехала? Зачем? Терзать себя?!»

Сидела она долго. Немного успокоившись, встала и направилась к выходу. За калиткой остановилась. Подумала: «В селе тоже нечего делать. Домой. Домой...»

И все же пошла в село. Шла и сомневалась, вдруг, думала, в доме Залгалисов встретят ее совсем незнакомые люди. Что она скажет им? А может, так же, как и на заставе, окна дома закрыты ставнями? А может, и дома-то нет?

Первый дом, который она увидела, был совсем новый. В палисаднике – розы и еще какие-то незнакомые ей цветы. Окрашенный в розовый цвет дом с большими окнами выглядел нарядно. Следом – еще один, такой же нарядный. И вдруг, за вторым нарядным домом она увидела знакомую островерхую крышу.

«Слава богу!»

Дом Залгалисов, с узенькими окнами, выглядел подслеповатым и мрачным, несмотря на то, что и сам дом и высокий забор были окрашены светло-зеленой краской. Это сразу бросилось в глаза Марии Петровне, ибо прежде Залгалисы никогда не красили ни дома, ни забора. И цвет почему пограничный? Мария Петровна, не отдавая отчета в причине, еще более взволновалась, и как ни пыталась хоть немного успокоиться, справится с собой не могла. Она вошла во двор, тесный, застроенный сараюшками, поднялась на крыльцо и с замиранием сердца постучала в дверь. Послышалось какое-то движение в доме, потом из дальней комнаты донесся слабый голос. Мария Петровна переступила порог и ухватилась за косяк, чтобы не упасть: безжалостно сдавило сердце, и оно остановилось на мгновение, потом забилось часто и гулко. Здесь, у этого порога, она, уезжая в роддом в город, прощалась со своими сыновьями. Не думала тогда, что целует их последний раз.

Виктор, которому тогда исполнилось уже девять, прижался к ней и не хотел отпускать, а пятилетний Женик сразу же, как она его поцеловала, сразу же повернулся к Залгалисам, стоявшим у темно-коричневого резного буфета, и заговорил возбужденно: «Тетя Паула, мы теперь у вас долго-долго будем жить? Пока мама нам братика покупать будет? Дядя Гунар на лодке меня покатает? Правда?»

Тот самый старинный буфет и сейчас стоял в комнате. Так же, как и тогда, впивался в него пучок солнечных лучей, пробивавшийся через узенькое оконце, но, несмотря на это, буфет казался хмурым, каким-то сердитым.

– Кто пришел? Заходите сюда, – услышала Мария Петровна. Она сразу узнала голос Паулы и, хотя та говорила по-латышски, поняла все слова.

– Паула? Ты?! – не веря себе, переспросила Мария Петровна, не решаясь сделать первого шага.

– Кому же, господи, быть здесь, как не мне? – удивленно, уже по-русски, ответила Паула и повторила приглашение: – Проходите сюда.

Мария Петровна пересекла первую комнату и, откинув цветастую штапельную занавеску, заменявшую дверь, снова ухватилась за косяк. Так и стояла, глядя, как тяжело дыша и кряхтя, Паула слезала с кровати. Теперь уже никакого сомнения у Марии Петровны не оставалось. И хотя перед ней была не проворная женщина, а болезненно полная старушка, но лицо ее, несмотря на то, что пополнило и округлилось, оставалось таким же обаятельно-нежным и добрым.

– Не узнаешь, Паула?

Теперь она узнала. Этот грудной, почти мужской голос часто слышался ей, часто всплывали в памяти слова: «Паула, замени на неделю моим детям мать».

А неделя та растянулась на долгие годы. Да какие годы!

– Мария?.. Ты? Жива?! – Паула опустила на стул, стоявший у изголовья кровати. Глаза ее, наполненные слезами, выражали непонятную для Марии Петровны тревогу...

Глава вторая

Старенькая комендатурская полуторка то, натужно покашливая, скреблась на перевал, то, скрипя расхлябанной кабинкой, катилась вниз, и всякий раз Мария радовалась тому, что позади еще один трудный участок пути и что скоро они спустятся в долину, а эти бесконечные голые мертвые горы станут отдаляться и отдаляться и в конце концов, погорбавившись на горизонте, растворятся в солнечной дали. Она смотрела на сыновей, насупившихся, крепко вцепившихся маленькими ручонками в обшивку тюка, и исподлобья смотревших на петляющие за машиной серпантины дороги. Поглядывала она и на мужа, который сидел ссутулившийся, какой-то усталый, и ко всему безразличный. Он не отрывал взгляда от задней стенки кузова и думал о чем-то своем, сокровенном – Мария понимала состояние детей, которые ни разу не спускались с гор и теперь робко ждали встречи с неведомым для них миром, о каком слышали только от родителей, она понимала и Андрея, у которого здесь, на Памире, оставались боевые друзья, живые и погибшие в жарких стычках, она грустила его грустью, тревожилась тревогой детей, но не могла унять нетерпеливую радость.

«Слава богу – вниз! Подальше от этих голых холодных гор».

Она не хотела, чтобы Андрей заметил ее радость. За все годы, которые прожила Мария на Памире, она ни разу не пожаловалась мужу на то, что не может привыкнуть к диким хмурым скалам, к бесцветному небу, к ледящим ветрам, к пулеметам у амбразур. Андрею было известно лишь одно: его жена никак не может запомнить названия ущелий и перевалов. Возвращаясь домой после очередного боя с какой-либо бандой басмачей, он говорил, что на перевале, где лошадь поседела (а не Ак-байтал), врезали мы басмачам. А ущелье, к примеру Дун Кельды, переводил для нее так: «Ущелье, откуда вернулось эхо». И она понимала, где именно происходили боестолкновения, ибо знала почти о всех перевалах легенды, многие из которых основательно взволновали ее, и она часто размышляла: сказки это или были? Действительность или мечта о верной дружбе, о мужестве, о чести и любви?

Особенно запомнились ей две легенды, которые рассказал Андрей, когда они, молодожены, добирались до заставы. Ехали верхом. Со взводом пограничников. Ехали несколько дней. На верху каждого перевала делали большие остановки. И вот когда спешили пограничники на одном из первых перевалов Кызыл-арт (Красная спина) и, растерев спины и ноги расседланных коней жгутами из сена, надели им на морды торбы с овсом, и кони, устало опустив головы, принялись аппетитно жевать, а сами всадники достали из переметных сумок хлеб и консервы для себя, Андрей взял за руку Марию и сказал:

– Пойдем-ка вон за тот камень.

– А что там?

– Пойдем-пойдем...

Метрах в двадцати от дороги, за большим обломком скалы, на холмике из мелких камней стоял шест, к которому шерстяной бечевой была привязана черная коса. Ветер покачивал эту косу, и Марии показалось, что шест движется, как живой, а коса колышется в такт этому движению.

– Что это, Андрюша?

– Могила девушки, которая умела любить.

– Расскажи, милый.

– Ну, слушай... Один из старшин племени, которых здесь в старину было много, получив богатый калым, отдал свою дочь в жены такому же богатому старшине соседнего племени. В самый разгар свадьбы, когда гости выпили изрядно кумысу и бузы, началось состязание акынов. Естественно, каждый поддерживал своего любимого песенника-сказителя, подбадривал криками, подхваливал. О невесте забыли. Она же, заметив это, убежала. Любила она одного

юношу-джигита, а его отец перед самой свадьбой (догадывался, видно, об их любви) послал сына с каким-то поручением в город Хорог. Девушка к нему и подалась.

Состязание акынов окончилось. Хватились – невесты нет. Сперва по юртам искали. Потом ближние ущелья прошупывали. Как в воду канула. А тут и ночь на дворе. Решили утра подождать. Утром тоже не нашли. Кто-то и сказал тогда, что, дескать, не в Хорог ли невеста подалась? Рассвирепел отец, велел коней седлать. Оскорбленные отец и жених, да два десятка джигитов двух племен понеслись в погоню за девушкой. А за это время она уже изрядно прошла. Вот на этот перевал подниматься начала. Сил почти уже нет, а она все идет и идет. Как на грех, ветер поднялся. Чем выше, тем холодней. На перевале уже села, укрывшись за этим камнем, дух перевести, да больше и не встала. Замерзла, заснув, сама не заметила как. Усталость сказала. Тут ее и нашли отец с женихом. Отец хлестнул камчой непокорную, а она даже не шелохнулась. Увидели все, что мертва она, зароптали на отца, а тот как крикнет: «Молчать, псы недоношенные!» Вскочил на коня и поскакал назад, к своим женам. Кто за ним поскакал, кто остался. Оскорбленный жених, понявший, видимо, силу любви, вынул клинок из ножен и начал рыть могилу. Джигиты стали ему помогать. Когда могила почти была готова, подъехал тот самый джигит, к которому бежала девушка. Увидел он свою любимую, кинулся к ней, дыханием отогревал, целовал, потом распрямылся, посмотрел на всех безумным взглядом и сказал со стоном: «Вернулся, как эхо». Вон в то ущелье ускакал, – Андрей показал рукой в сторону видевшегося внизу ущелья. – Сказывают, и сейчас он там. Ущелье так и называется: Дун-кельдык. Перевод такой: «Вернувшееся эхо».

Мария слушала, прижавшись к Андрею, смотрела на колыхавшуюся косу и от волнения не могла сказать ни слова. Когда же Андрей закончил рассказ, приподнялась на носочки и крепко поцеловала его. Андрей подхватил ее на руки и спросил отчего-то шепотом:

– Ты так же любишь?

– Ты видишь, я еду с тобой в горы и не боюсь.

Тогда, рядом с большим сильным мужем, она действительно не боялась, но потом сколько было страха, волнений и тоски... Андрей же об этом не знал и даже не догадывался.

Вторую легенду она услышала от старого пастуха Ормона. Пограничники, поднятые по тревоге, ускакали громить прорвавшуюся из-за кордона банду, на заставе остались с Марией один больной боец и повар. Как обычно, несколько винтовок и пару пулеметов «Максим» они разместили так, чтобы в случае чего, можно было бы обороняться. Один пулемет затащили на наблюдательную вышку, которая стояла в дальнем углу двора, другой установили в бойнице, оборудованной в глинобитном дувале, и по очереди несли дозорную службу.

Пообедав, Мария поднялась на вышку, чтобы сменить повара, но тот ушел не сразу.

– Смотрите, Мария Петровна, – показал он в сторону видневшегося вдаль озера, – табун яков сюда гонит кто-то.

Перепугалась она, увидев яков. Много слышала, что басмачи, прикрываясь яками, почти вплотную подбираются к остановившимся на ночлег пограничникам и атакуют их внезапно. Она хотела даже спросить, не видно ли кого-нибудь за табуном, но сдержалась. Побоялась, что повар поймет, что она струсилась, потом может рассказать сослуживцам. Не станет тогда ее испуг секретом для Андрея. Он, конечно, посмеется, но потом, оставляя ее на заставе, станет тревожиться. А в бою, как она считала, только о бое нужно думать, иначе не победить.

Когда стадо яков приблизилось, она узнала пастуха Ормона и обрадовалась.

– Пойду встречу. Узнаю, отчего сюда стадо пригнал, – сказала Мария и спустилась вниз.

Ормон объяснил, что пригнал сюда яков по приказу начальника заставы. Мария открыла ворота, и они загнали яков во двор.

– Пойдемте, Ормон-ага, попьем чаю.

– Не откажусь. Мой живот, внученька, как хурджум нищего. От самого Ак-байтала гоню стадо.

Название этого перевала, который находился километрах в пятидесяти от заставы, она слышала уже много раз, но помнила только перевод этого странного названия: «Седая кобыла». Спрашивала Андрея, но он не смог толком объяснить.

«Разужнаю у старика», – решила воспользоваться случаем Мария и, накормив Ормона солдатским обедом и подав пиалу крепко заваренного чая, заговорила о перевале.

Начало рассказа сразу же заинтересовала ее. Ормон принялся растолковывать, что «байтал» – не кобыла. Это не совсем верно. Есть лошадь – ат, просто лошадь. Есть лошадь – жилки. Те лошади, какие пасутся в табунах, все – жилки, но главное, вожак табуна – байтал. Жеребец или кобыла – все равно. Джигит и байтал – одно целое. Друзья они. Настоящие друзья.

– Как для русского ратника боевой конь, стало быть?

– Может, так.

– Если есть желание, Ормон-ага, расскажите легенду о седой кобыле.

– О поседевшей байтал, внученька. О ней сказ. Сколько лет прошло, никто даже сказать не сможет, а люди не забывают то событие. – Ормон, глотнул ароматный напиток из пиалы, начал вроде бы с извинительного признания: – Я узнал о той истории от своего деда.

Мария приготовилась слушать длинный рассказ, старик, однако, был очень краток.

– Сильный и гордый, как вожак архаров, джигит полюбил лунолицую девушку. Она тоже поклялась ему в вечной любви. Джигит украл девушку. Как птица несла их лошадь джигита по долинам, через перевалы. Но быстро скакали и сородичи лунолицой. На перевале джигит вместе с девушкой укрылся за скалой, а лошадь пустил по дороге, чтобы увела за собой погоню. Но когда сородичи девушки уже было проскакали скалу, она вдруг окликнула их. Джигита убили. Девушку увезли домой. Когда убийцы уехали, на перевал вернулась байтал. Она не отошла от мертвого друга, пока не околела сама. Люди видели ее. С тоски она поседела. Не только шерсть, но и грива с хвостом стали белыми, как только что выпавший снег...

Ормон допил чай, Мария вновь наполнила пиалу и тогда только спросила:

– Девушка предала своего любимого?

– Да.

– Но почему?

– Женщины честолюбивы и коварны.

Мария хотела упрекнуть Ормона за столь категоричное суждение обо всех женщинах, но подумала, что спорить со старым человеком бесполезно, переубедить его вряд ли удастся, и промолчала. Продолжая угощать Ормона чаем, она расспрашивала о здоровье, о семье, говорила с ним о басмачах, сама же ни на минуту не забывала легенды. Пыталась осмыслить, почему девушка поступила так подло. Ее воображение рисовало картины вечерних свиданий возлюбленных, она словно видела того джигита-богатыря, сильные руки которого робко прижимают к себе девушку, а та, нежно прильнув к его могучей груди, думает о славе и богатстве, которые ждут уважаемого в своем роду юношу. Когда же она увидела его беспомощным, укрывшимся за скалой от преследователей, решила не искушать судьбу.

«Бессердечная гадюка! – с ненавистью думала Мария о коварстве девушки и восхищалась преданностью кобылы-байтал: – Вот образец верности! Люди бы так!»

Не знала она, что жизнь готовит и ей похожее испытание, и эту легенду, услышанную от старого пастуха, она будет вспоминать не раз и не два...

Мария так и не побывала на том перевале, хотя Андрей предлагал съездить, и никогда не жалела об этом, а теперь радовалась, что незнакомый перевал, наверняка такой же ветреный, дикий, без единого кустика, без единой травинки (высота более пяти тысяч метров) все удалялся и удалялся...

Полуторка спустилась в Алайскую долину и юрко побежала мимо робких тальничков, прижимавшихся редкими табунками к успокоившейся на равнине речушке, мимо изжелта-зеленых полей с отарами овец, издали похожих на разбросанные комья серого весеннего снега.

– Мам, мам, овечки живые? Да? – показывая пальцем в сторону недалекой отары, возбужденно спросил Женя.

– Да, сынок.

– Почему у нас их не было?

– Высоко. Я же рассказывала: яки на той высоте только живут. И – пограничники.

– Дедушка Ормон тоже?

– Да, и – он.

Небольшой кишлак из серых глинобитных домиков с плоскими крышами, отчего домики казались какими-то несерьезными временками, проехали без остановки, а вскоре машина поскреблась на перевал по змеиным петлям дороги. Название этого перевала Мария запомнила хорошо. Не русский перевод: «все, выбился из сил», а местное название – Талдык. Смерть здесь была рядом с ней и Андреем, а у Вити оставила метку – рваный шрам от пули.

Несколько лет все один да один командовал заставой Андрей, а тут сразу двух помощников прислали: по политической части и по строевой. Обвыклись они в горах, изучили участок, узнали маршруты басмаческих банд, тогда начальство разрешило лейтенанту Барканову спуститься с гор в отпуск. Из проволоки от сенных тюков и из одеял смастерили пограничники для двухлетнего Вити на выючном седле теплое и мягкое гнездышко (хочешь сиди, хочешь ложись и спи), прикрепили к этому же седлу два карабина и подсумки с патронами, помогли уложить вещи в переметки и проводили отделением до Алайской долины. Хотели дальше провожать, но лейтенант Барканов приказал возвращаться.

– До темна долину проскачем, а на Талдыке – дорожники.

Но недаром в горах говорят: глазам видно, а ногам обидно. Да и сын сморился от жары и тряски. Когда пускали коней рысью, он трепыхался в своем гнездышке, как неживой. Андрей его даже на руки брал, но и это мало помогало. Пришлось ехать в основном шагом.

До поселка дорожников оставалось еще километров восемь, а солнце, только что старательно купавшее в своих горячих лучах путников, в миг посуровело, словно накинulo студеное покрывало, и торопливо скатилось за снежную гору – снег поискрился яркой голубизной и померк в темноте, густая тихая темень проглотила небо, дальние и даже ближние хребты, разлилась по долине, а дробный стук копыт стал глуше и таинственней.

Мария, ехавшая чуть позади, догнала Андрея и, подчиняясь охватившей ее тревоге, сказала негромко:

– Витю возьми. Поспешим давай.

– Луна взойдет, тогда поднажмем, – ответил Андрей.

– Береженого, Андрюша, бог бережет...

– Ладно, – согласился Андрей, взял на руки сонного сына и сказал жене: – Витькиного коня в поводу веди, чтоб не отстал.

Подождал, пока Мария перекинула через голову коня повод и надела его на согнутую руку, пришпорил своего коня. Тот рванулся было в галоп, но подчиняясь поводу, размашисто зарысил по едва заметной в темноте дороге.

Осадил коня Андрей минут через пятнадцать. Дождался Марию, немного отставшую от него, спросил заботливо:

– Устала?

– Нет. Ты зря остановился.

– Коней беречь нужно. Километра через два подъем начнется. Теперь мы... – и поднял предупреждающе руку, хотя понимал, что в темноте жена не увидит это предупреждение, поэтому еще и попросил: – Не шевели коней...

Привстал на стремяна, подался вперед и замер. Мария тоже прислушалась, но ничего подозрительного не могла уловить, только увидела, что кони запрядали ушами и, повернув головы вправо, насторожились.

– Точно! – ответил сам себе Андрей, словно рубанул шашкой. – Скачут...

Передав сына Марии, спрыгнул с коня, отвязал от вьючного коня карабины и ремни с подсумками, перекинул карабин за спину и, подав второй жене, вновь запрыгнул в седло. Взял ребенка и поторопил:

– Снаряжайся быстрее!

Пока она торопливо застегивала ремень, Андрей говорил тихо и спокойно:

– Нам до подъема доскакать бы раньше их, тогда уйдем. Ты не отставай. Если мешать будет, бросай Витькиного коня. Поняла?

– Поняла.

Постаралась ответить так же спокойно, чтобы не почувствовал Андрей, что она страшно испугалась.

Кони, боевые кони, хотя и устали, почувствовали тревогу хозяев и поскакали во весь опор без понуканий. Высоко в темноте засветилось желтое пятнышко окна. Оно словно повисло в черном воздухе, сквозь который сам перевал не был виден. Вот рядом с первым пятном вспыхнуло второе, затем третье. Но до этих светящихся ламповым светом окон оставалось несколько километров ровной дороги, за которыми начинались крутые, карабкающиеся вверх не километры, а извилистые метры. Там, на серпантине, их спасение.

Но все отчетливей доносился гулкий топот, словно скакал по долине большой дикий табун лошадей...

Из-за ближней горы выкатилась луна, и сразу же мертвый свет заколыхался над равниной, над перевалом, притушив тусклые оконные огоньки поселка дорожников. Теперь Андрей и Мария увидели скакавшую им наперерез большую темную группу всадников. До перевала оставалось метров двести, до скакавших басмачей – с полкилометра.

«Успеем!» – обрадованно оценил положение Андрей и оглянулся назад – Мария отставала совсем на немного. Второй конь скакал впереди на полголовы, вовсе не мешая ей.

«Успеем!»

Басмачи начали стрелять. Это обрадовало и удивило Андрея. Он даже проговорил вслух:

– Дурачье...

Басмачи не могли не знать, что на перевале – дорожники, а у них – оружие. Услышав стрельбу, те поспешат вниз, и тогда басмачам самим придется обороняться. Видимо, отчаянная злоба затуманила их главарям головы.

Начался подъем. Дорога запетляла. Кони, добрые пограничные кони, привыкшие к многокилометровым переходам, начали все же сдавать. Разноголосое гиканье басмачей все ближе, все чаще свистят пули совсем рядом: лошади под басмачами были намного свежей.

Андрей прищипоривал своего коня, прижимая к груди притихшего, перепуганного сына и поминутно оглядывался на Марию. Она отставала все больше и больше.

«Все. Придется принимать бой».

За очередным крутым поворотом остановился, а когда Мария подскакала, сказал, стараясь как можно спокойней:

– Батуюем коней. Без боя не уйти.

Он быстро уложил Витю в гнездышко, повелел необычно строго, как привык отдавать приказы, которые следует исполнять неукоснительно: «Лежи смирно. Не бойся. Мы с мамой вон за тем камнем будем». Особенно крепко привязал повод своего коня к седлу лошади с Витиным гнездышком, ибо был уверен, что его боевой друг не покинет того места, где будет оставлен. Достал из переметок гранаты и запас патронов, затем поторопил жену:

– Полезли скорей!

Метрах в двадцати выше дороги Андрей заметил удобную для укрытия скалу и теперь ловко и быстро карабкался вверх. Мария не отставала от него.

Площадка, куда они поднялись, оказалась действительно очень удобной. Валун – хорошее укрытие от пуль. Великолепный обзор: видны и дорога, и скалы, по которым басмачи (старший лейтенант прекрасно знал тактику басмачей) обязательно начнут их окружать.

Из-за поворота выскочило сразу несколько всадников. Мария начала целиться, но Андрей остановил ее:

– Я гранатами их.

Теперь басмачи скакали молча. Карабины держали наготове. Они могли, Андрей знал это, стрелять на скаку мгновенно и точно, поэтому он выжидал удобного момента, чтобы бросить первую гранату неожиданно, не слишком рано, но и не опоздать: прорвись хотя бы пара басмачей к сбатованным коням, положение станет безвыходным.

– Бросай, Андрюша! – прошептала Мария, но Андрей даже не пошевелился.

– Кидай!

– Спокойней, Маня...

Первую гранату он бросил на дорогу метров в трех перед всадниками. Басмачи, увидев ее, натянули поводья, разрывая удилами лошадиные губы, и разгоряченные кони взвизгивали на дыбы – граната рванула, калеча лошадям ноги, пропарывая животы, а в наседавших сзади всадников полетела следующая, и сразу же заклацали о камни пули, зарикошетили с пронзительным визгом. Стоны, ржание и крики не заглушали ни тупого клацанья пуль, ни визга рикошета.

– Огонь! – крикнул Андрей, и опешившая было от взрывов, криков и выстрелов, Мария пришла в себя и начала спокойно, с удивлением ощущая это спокойствие, стрелять по всадникам и даже увидела, как один из басмачей после ее выстрела склонился к луке и сполз с седла, а испуганная лошадь шарахнулась и покатила в обрыв.

Заплакал Витя. Он встал на ножки и, ухватившись крепко ручонками за край своего коробка, закричал:

– Мама! Мама!

Мария рванулась было вниз, но Андрей придавил ее, прохрипел зло: «Куда? Убьют!» – потом крикнул сыну:

– Не бойся! Мы здесь.

Басмачи в это время уже все подскакали к повороту, стреляя и гикая. А те, которые остались живыми, укрылись за камнями и непрерывно палили. Андрей швырнул гранату, но слишком поздно: пара басмачей проскочила за поворот.

– Гранаты, Мария! Гранаты! – крикнул Андрей и, вскинув карабин, выстрелил в первого басмача. Тот грузно осел, а конь его, сделав несколько скачков, остановился у сбатованных коней и прижался к ним. Витя еще громче и испуганней закричал:

– Ма-а-ма-а!

Второй басмач выстрелил в ребенка, и крик его, тонкий, пронзительный оборвался...

– Гранаты! – заорал Андрей, и Мария вновь вернулась в реальность. Бросила одну, за ней вторую гранату – взрывы их остановили атаку басмачей. Андрей же в это время подбил лошадь под стрелявшим в Витю басмачом, а потом упокоил и его самого, пытавшегося освободить ноги из стремян.

Басмачи спешили за нижним поворотом и начали наступать справа и слева от дороги, укрываясь за камнями. Стреляли редко, но все пули впивались в валун, разбрызгивая гранитные осколки.

– Не высывайся, Мария! Убьют сразу.

Сам Андрей стрелял тоже редко. Бил только наверняка. Басмачи приближались...

– Долго что-то нет дорожников, – спокойно, чуть-чуть удивленно проговорил Андрей, достал наган и, положив его у камня, сказал: – Если ранен буду, застрели. Потом себя. Живой не сдавайся. Замордуют.

– Вити у нас нет! Его застрелили!..

– Молчи... Поближе подползут, стреляй в них. И – гранатами.

Больше они не разговаривали. Андрей стрелял все так же расчетливо, все так же клацали вражеские пули вокруг них, обсыпая колючей каменной крошкой, и пронзительно уносились в призрачную бесконечность. Мария лежала за валуном, ждала, когда Андрей разрешит ей стрелять.

– Гранату давай. Повыше дороги, – скомандовал Андрей, и Мария, чуть-чуть привстав, бросила гранату. Андрей швырнул вторую.

– Огонь!

Осталось только три гранаты, и они берегли их на самый критический момент боя, а по басмачам, перебегавшим от камня к камню, стреляли из карабинов.

То один, то другой басмач боднет головой камень и останется лежать, но их было слишком много, и они перебежали, переползали и стреляли, стреляли, стреляли... За этой стрельбой ни Мария, ни Андрей не слышали скачущих на помощь всадников, а когда увидели передовых, Мария ткнулась лицом в ладони, а Андрей бросил одну за другой две гранаты, чтобы басмачи не встретили дорожников губительным огнем.

Басмачи еще отстреливались, отступая, а Мария, обдирая до крови ладони об острые камни, торопилась вниз. Подбежала к коням, взяла сына и засмеялась, и зарыдала от радости: Витя застонал.

Кто-то из дорожных рабочих расстелил на камнях халат, Мария положила на него Витю, быстро достала бинты из переметной сумки, встала возле сына на колени, разорвала обертку бинта и только было собиралась приложить бинт к ране, как ее отстранил пожилой мужчина в полосатом ватном халате и в тубетейке, из-под которой выбивался льняной чуб.

– Я – врач. Позвольте.

Он приложил к ране смоченный йодом тампон и, ловко подхватив ребенка под спину, приподнял его и попросил Марию:

– Вот так подержите, пожалуйста.

Мария подставила обе руки, Витя застонал, а потом едва шевеля запекшимися губами, начал шептать:

– Мама... Мама...

Мария едва сдерживала рыдание.

Вскоре бой утих, и Андрей, возбужденный и радостный от того, что жив сын, живы и они с Марией, а от банды остался всего лишь десяток сумевших ускакать басмачей, присел на корточки рядом с сыном и сказал торжественно:

– Первое революционное крещение!

– Андрюша, поехали домой...

– Наоборот, вниз нужно. В комендатурский медпункт.

– Домой, Андрюша. Я его выхожу сама.

– Да-да, – вмешался доктор дорожной бригады. – Подумайте только: четыре тысячи метров и сразу – почти нормальное давление. Адаптация и без того очень сложная для ребенка, а тут еще потеряно много крови. Я бы не рискнул. И примите совет: прикладывайте к ране мумие. Можно, даже, пожалуй, нужно попить. Три раза в день. Растворять надо не более рисового зернышка. На несколько дней я вам дам, а там у пастухов разжиться сможете.

– Есть у нас мумие. Дедушка Ормон принес. Сказал: кровь земли, людям силу дает.

– Вот и прекрасно. Поезжайте на заставу. Мы проводим вас.

Десять дорожников и врач проводили их до самой заставы. С тех пор Мария и слушать не хотела о поездке в отпуск, хотя уже провели через Памир добрую дорогу, не гужевую и не караванную, какая здесь шла со времен Великого шелкового пути, а автомобильную. Она проходила почти совсем рядом с заставой, о басмачах же начали даже забывать...

И вот только сегодня они простились со своей горной заставой насовсем: Андрея перевели в Прибалтику, только что ставшую советской.

Машина с трудом ползла вверх, и Мария ждала, когда появится тот поворот, за которым они сбатовали коней и где басмач ранил Витю, та скала и тот валун, из-за которого они с Андреем бросали гранаты и стреляли по атакующим их врагам. Но она так и не узнала место прошлого боя, показал его Андрей. Сидел задумавшийся, вроде бы безразличный ко всему, а тут вдруг встрепенулся:

– Смотрите. Вот здесь Виктора в плечо ранили. А вон оттуда, сверху, мы и вели с мамой бой.

– А валун где, Андрюша? Дорога тоже словно иная какая-то?

– Сколько лет, Мария, прошло. Взрывали здесь все, расширяя дорогу. Теперь на ней машины свободно разъедутся. А тогда? Тропа широкая была, вот и все.

– Витя тоже пулял, да? – с недоумением и восторгом спросил Женя, поворачивая голову то на высившиеся справа скалы, то на отца. – Останови, папа. Останови!

Андрей улыбнулся и ответил спокойно:

– Где на крутизне такой остановишься? Вот на перевал поднимаемся, там постоим. – И посерьезнел сразу: – У памятника строителям дороги... И – нашим спасителям.

Удивительно медленно ползла на Талдык полуторка, Марии казалось, что мотор, напрягшийся до тоскливого звона, вот-вот надорвется, и тогда останется одно – лететь в зиявшую слева пропасть. Все холодело у Марии внутри от этой мысли, она старалась смотреть на громоздившиеся справа голые скалы, но нет-нет, перекинет взгляд влево и замрет, оцепенеет. Однако поворот за поворотом оставались позади, а мотор продолжал петь свою натужную песню на самой высокой ноте, вершина же перевала приближалась. Вот наконец выехали на небольшую площадку, на краю которой, над братской могилой, высился обелиск. Машина остановилась, и шофер трижды длинно прогудел. Так было заведено: прохожий снимал шапку, всадник слезал с лошади, машины сигналили. Памирцы ценили тех, кто построил им дорогу.

Для именитых богачей автомобильная дорога была, как кость в горле: они поклялись не пустить ее дальше перевала Талдык, они грозили своим сородичам, которые вопреки воли старшин, толпами шли на стройку – главари родов объединились, забыв на время междоусобные распри, чтобы неожиданным налетом уничтожить поселок строителей, поубивать всех приезжих инженеров и мастеров, а заодно и своих непослушных сородичей. Но замыслу старшин не суждено было сбыться: пастухи сообщили начальнику заставы о готовящемся налете, и Андрей ночью привел почти всю заставу на перевал. Успели подняться сюда еще два взвода маневренной группы, подтянулись и добровольцы-пастухи с берданками и ружьями, сил собралось достаточно, чтобы встретить объединенные банды.

До рассвета затянулся тот ночной бой. Басмачей разбили. Погибших инженера, врача, дорожных мастеров, пастухов и пограничников похоронили в братской могиле, динамитом взорвав гранит. С тоской в сердце простался Андрей с теми, кто всего несколько месяцев назад спас Марию, сына и его самого от смерти. Поклонился им низко и сказал:

– Память о вас будет вечной... Даю слово, пощады басмачам не будет! Не дам себе покоя, пока хоть один из них будет жить!

Сейчас, стоя с опущенной головой у обелиска, Барканов оценивал свою службу: «Верен ли я был своему слову? Верен! И там, на новом месте, не нарушу клятвы!»

Глава третья

И вот начался последний и самый крутой спуск. У Марии снова, как и при подъеме, сжималось сердце и холодело в груди, когда она смотрела вниз, на тонкую змейку реки, на остов грузовой машине, похожий отсюда на спичечный коробок, но чем меньше оставалось до моста, тем неудержимей радовалась она.

«Все! Позади Памир! Позади!»

Примерно через час они сделают небольшую остановку в комендатуре, а потом – железная дорога по Ферганской долине, Ташкент, Москва, Рига, Прибалтика. С волнением произносила она эти названия.

– Мама, у меня уши чет-то заткнулись, – захныкал Женя.

– А ты рот раскрой. И воздух жуй. Вот так, – показал сыну Андрей, а Мария, глядя на них, улыбалась, тоже время от времени пережевывая воздух, чтобы избавиться от неприятного давления в ушах, сама же не переставала думать о том, что скоро-скоро все это останется только в воспоминаниях.

– Ух ты!.. – зажмурился Виктор. А Женя прижался к матери. Но уже через пару минут они оба увидели настоящее деревце на берегу речки и в один голос закричали:

– Папа! Мама! Смотрите, как на картинке! – И тут же Женя своим грудным, как у матери, голосом, спросил:

– Почему листочки спокойно не висят на веточках?

Этот вопрос рассмешил Марию с Андреем, и они так долго не могли успокоиться, что Женя даже обиделся. Тогда они начали объяснять детям, что картинки в книжках не живые, а в природе все живое, все движется, все меняется ежечасно.

– Вы смотрите и запоминайте названия, какие мы вам будем говорить. А спрашивать не стесняйтесь. Мы больше смеяться не станем.

Вопросы посыпались как из рога изобилия, успевай только отвечать. Вот в таких разговорах они и доехали до комендатуры. Мария ушла в себя, все пояснения давал Андрей. Ее же захватили воспоминания. Именно здесь она нашла свою судьбу. Она приехала сюда добровольно для работы, как говорили тогда, с трудовой молодежью. Квартиру получила в глинобитном домике – ее специально для нее пристроили к дюжине таких же глинобитных одноэтажек, объединенных единой открытой террасой, а вскоре к ее домику пристроили еще один, еще и еще, и местные остряки из комсостава называли тот строительный шедевр лежачим небоскребом.

Сразу за лежачим небоскребом начинались манежи, стрельбище и спортивный городок, где не только рядовые пограничники и их командиры отрабатывали тактические и боевые приемы, но и жены комсостава. Привлекли к тренировкам и Марию. И если у Марии в ее работе все шло ладом, кишлачная молодежь потянулась к ней, а затем, по ее настоятельной просьбе, парней начали допускать на тренировки в военный городок, то у нее самой не все получалось на стрельбе – и тут Андрей Барканов приходил ей на помощь.

И вдруг совсем неожиданное – Андрей предлагает:

– Мария, будь моей женой. Сегодня. Сейчас!

– Вы с ума сошли... Мы совсем не знаем друг друга.

– И можем не узнать. Потом будем жалеть всю жизнь. Через три дня я уезжаю на заставу. Решай.

И она решила...

Сейчас, когда они высадились у того самого лежачего небоскреба (за многие годы здесь почти ничего не изменилось), она вспомнила тот давний разговор, словно он проходил не много лет назад, а совсем недавно. Ей казалось, что она слышит его голос, необычно тонкий,

видит его спокойные добрые глаза, чувствует его руки, крепко стиснувшие ее – Мария даже сейчас затаила дыхание, застеснялась чего-то и уткнула лицо в плечо мужа.

- Не жалеешь? – спросил, улыбаясь, Андрей. – А? Может, все же о другой жизни мечтала?
- Глупый ты, глупый...

Они так и не вошли в отведенный им домик. Постояли, прильнув друг к другу, не думая вовсе, что кто-то может их увидеть и осудить. Поцеловались и направились к центру кишлака, где рядом с райкомами партии и комсомола, в сквере, в кольце пирамидальных тополей стоял памятник пограничникам: боец в кавалерийской бекеше и буденовке. В одной руке он держал бинокль, в другой – поводок напружинившейся, готовой к броску собаки. Памятник этот построили комсомольцы района. Они собрали деньги, нашли и привезли скульптора, разбили сквер. Делали все под пристальными, осуждающими взглядами стариков в большущих белых чалмах, с утра до вечера сидевших рядком под тенью такого же ветхого, как и они сами, карагача.

Старики эти как будто отсюда не уходили. Когда Мария спешила на работу рано утром или поздно вечером возвращалась домой, они смотрели на нее ненавистно и похотливо, словно ощупывали высокую грудь, стройные ноги и от удовольствия поцокивали языками. Ее пугали те взгляды, она боялась этих никогда не разговаривавших стариков, ей всегда хотелось съездить или убежать, но она одаривала их гордым взглядом, не обходила старцев другой улочкой, хотя могла это делать. А когда комсомольцы хоронили в сквере молодую женщину, которую зарезал муж за то, что она захотела вступить в комсомол и, сняв паранджу, пошла на собрание, Мария с болью и гневом спросила:

– До каких пор мы будем подчиняться диким предрассудкам прошлого? До каких пор они, – Мария показала на стариков, все так же молчаливо сидевших под карагачем, – будут навязывать нам законы вчерашнего дня?! Именно они есть вдохновители этого жестокого убийства!

Эти слова, впервые, быть может, здесь высказанные так смело и так громко, будто подхлестнули дехкан. Они развели костер, и многие женщины подходили и бросали в огонь свои паранджи, потом, пугливо озираясь, ежились, но в конце концов побеждали страх, и только одна молодая женщина, с которой ее муж сам сорвал паранджу и бросил в костер, закрыла лицо подолом и с визгом, словно ее резали, убежала домой.

Многим женщинам было трудно перешагнуть через вековые обычаи. И все же первый шаг был сделан наперекор угрозам и жестокостям сторонников прежнего уклада жизни.

В тот же вечер она увидела под дверью сразу две записки с угрозами. А дня через два в нее стреляли.

Старики и сейчас сидели под карагачем. Их, как показалось Марии, стало даже больше. Она внутренне напряглась и невольно сжала руку Андрея. Он удивленно посмотрел на нее и спросил:

- Что с тобой?
- Я их всегда боялась.

Это признание для Андрея оказалось абсолютно неожиданным. Он никогда не думал, что жена его – трусиха. Услышав ее смелую, даже дерзкую для того времени речь у памятника, он подумал: «Боец. Настоящий боец!» – а когда узнал, что приехала она в этот кишлак добровольно по путевке комсомола, решил для себя: «Отличной смелости девушка».

- А я и гор, Андрюша, боялась. Очень.
- Полно на себя напраслину...
- Правда. Дело ведь прошлое.
- Какое счастье, что я встретил тебя...

Они постояли молча, каждый вспоминая то ставшее их судьбой время. Первой вернулась в реальность Мария.

- Пойдем. Дети заждались. Вдруг беспокоятся.
- Пошли.

На следующее утро полуторка снова юрко побежала по ущелью под уклон. До города, от которого начинается железная дорога, всего пятьдесят километров и один перевал, через который, судя по названию (Чигирчик), может свободно перелететь даже скворец. Легко поднялась на него и машина, затем, тарахтя корпусом, покатила вниз.

Дорога здесь была ухожена лучше, чем в горах. По обочинам стояли, словно нескончаемые шеренги солдат, тутовые деревья, а чистенькие кишлаки, часто сменявшие друг друга, бугрились желтыми, зелеными, полосатыми холмиками дынь и арбузов, хозяева которых дремали в ожидании покупателя под тенью распряженных арб. Каждый раз, когда дети видели дынные и арбузные холмики, они восторженно кричали одно и то же:

- Ой-ой-ой, сколько! На всю жизнь хватит!

Мария и Андрей не отзывались на их крики, вроде бы вовсе не слыша их. Он думал свою грустную прощальную думу, она – радовалась, стараясь скрыть свою радость. Лишь время от времени одергивала детей:

- Да тише вы! Угомнитесь.

Когда же они подъехали к железнодорожному вокзалу, длинному двухэтажному зданию, и Витя закричал: «Смотри, Женька, вот это дом!» – а Женя, с любопытством рассматривавший притиснутые друг к другу привокзальные ларьки, пробасил: «Ого, сельпов сколько!» – Мария не сдержалась:

- Ну что горланите? Люди скажут: откуда такие дикари?

– Не обижай детей, Маня, – попрекнул жену Андрей. – Чего тут стыдиться? Что на витрину с удивлением смотрят? Разве это беда? – Помолчал немного и добавил решительно: – Вот что... На базар свожу я вас. Такого базара как здесь, в Средней Азии, вы нигде не увидите, – улыбнулся Марии и спросил: – Ты тоже, наверное, не была?

- Нет.

Еще тогда, когда она добралась до города со странным названием Ош (в русском переводе равнозначно нашему «тпру», который произносит возница, чтобы остановить лошадь), ей предлагали погостить в нем несколько дней, но она отказалась. Спешила, памятуя наказ: молодежь советского Востока ждет вашей помощи. Ждет незамедлительно! Дорог каждый день в борьбе с предрассудками прошлого, которые продолжают культивировать враги трудового народа. Тогда она считала, что тратить время попусту – большой грех. Теперь же предложение Андрея приняла охотно, только предупредила детей:

– Если будете шуметь, вернемся сразу. Смотрите и запоминайте. Что станет непонятным, потом на досуге разберемся.

- Хорошо, мамочка. Не будем, – заверил Витя.

Дети и в самом деле изо всех сил старались выполнять обещание, но чем ближе подходили они к базару, тем больше и больше интересного попадалось на глаза. Удивленно и восторженно смотрели они на неторопливо шагавших мужчин, похожих в полосатых халатах на зебр, на головах которых чудом держатся огромные плетеные тарелки с виноградом, лепешками, грушами, урюком. Ребята жалели маленьких осликов, торопливо семенивших ножками под тяжестью большущих тюков и мешков. С интересом разглядывали арбы с огромными скрипучими колесами и возниц, которые сидели не на арбах, а на лошадях и непрерывно помахивали короткими плетками. Удары плеток чаще всего приходились не по лошади, а по оглобле, и это смешило ребят, но они сдерживались, лишь восторженно перешептываясь. А вот когда встретилось им какое-то непонятное существо, покрытое такой же, как у отца, плащ-палаткой, только шелковой и цветастой, а вместо лица была волосатая сетка, Витя не выдержал и спросил громко:

– Пап, вот это самая паранджа? Да?

– Витя, мы же договорились... Можно потише или оставить на потом? – недовольно сказала Мария.

Андрей же ответил:

– Да, Витек. Под ней женщина прячет лицо. Но мама права. Если что непонятно, тихонько спрашивайте. Ладно?

Дети согласно закивали, но тут же Женя, увидевший висевших на оглоблях одной из арб кур и петухов вниз головами, ткнул брата в бок и, показав пальцем в сторону арбы, воскликнул:

– Витя, вон куры как вверх головы тянут!

– Нет, просто невозможно с вами, дети! – возмутилась Мария, но Андрей вновь успокоил ее:

– Ну что, Маня, поделаешь? Дети же. То ли еще будет на самом базаре.

Вопреки ожиданиям, ни Виктор, ни Женя не закричали, когда, пройдя по узенькому мостику через мутный широкий арык, они вошли вместе с толпой в ворота – дети растерялись, опешили от этого многоголосого многоцветья, стиснутого со всех сторон глинобитным дувалом. Детям, да и Марии тоже, казалось, что сейчас эта говорливая толпа затянет и сомнет их, и если бы не Андрей, они прижались бы к дувалу сразу же у ворот, не осмеливаясь сделать и шага. Андрей, однако, спросил:

– Начнем с инжира? – И, не ожидая ответа, продолжил: – Давай руку, Женек. А ты, Виктор, за маму держись.

Долго они пробирались сквозь снующую взад и вперед толпу. На каждом шагу им попадались торговцы водой с огромными глиняными кувшинам и старенькими, во многих местах склепанными медными скобками пиалами, в которые они, вовсе не ополаскивая, наливали воду до краев все равно, что за пятак, что за гривенник. Но вот толпа сразу поредела, и Андрей с Марией и детьми оказался будто в другом царстве: разговоры неторопливые, движения полные достоинства. Во всем спокойствие и учтивость. Мария остановилась в нерешительности. Ей вдруг показалось, что тот рядок стариков аксакалов, молчаливо сидевших под карагачем, оказался здесь и уместился на цветных ковриках у высоких узких корзин и эмалированных ведер с аккуратно уложенным в них инжиром, очень похожим на пухленькие румяные беляшники. Только один из продавцов был чернобород, но он-то особенно и поразил Марию сходством с главарем банды, которого однажды Андрей приконвоировал на заставу: такая же цветная шелковая чалма, такие же тщательно выбритые усы и половина подбородка, отчего борода походила на черный кокошник, надетый на лицо снизу, такой же орлиный нос и презрительный взгляд – все было так похоже, что она основательно испугалась и попросила мужа:

– Уйдем, Андрюша, отсюда.

Он, посмотрев на нее удивленно, спросил:

– Что с тобой? – Осмотрел продавцов инжира и, поняв ее, ответил на свой вопрос: – Нельзя, Мария, путать добро и зло. Ты посмотри только, как они торгуют. Священнодействуют!

И в самом деле, те, к кому подходили покупатели, бережно брали виноградные листья, простеленные между слоями инжира, и так же бережно и аккуратно укладывали на них сочные плоды, потом, приложив правую руку к сердцу, левой подавали покупку. А покупатель принимал инжир двумя руками, как хрупкую драгоценность, благодарил хозяина и, отойдя чуть-чуть в сторонку, присаживался на корточки и неторопливо, с благоговением, отправлял в рот одну инжирину за другой с приличными паузами. Окончив трапезу, сначала старательно вытирал руки виноградным листом, затем ладонью обтирал губы, затем молитвенно проводил ладонями по щекам и бороде, восхваляя Аллаха, и только после этого поднимался и смешивался с бурливой толпой.

Появление пограничника с семьей в инжирном ряду на какое-то время внесло замешательство в привычный ритм торговли, она приостановилась. Аксакалы приветливо закивали,

а чернобородый показал рукой на старика с окладистой белой бородой и, коверкая русские слова, сообщил, что у того аксакала самый лучший инжир. Андрей, прекрасно знавший и узбекский и киргизский языки, поблагодарил чернобородого, а аксакалы, услышав, что русский говорит на их родном языке, еще приветливей закивали и наперебой принялись хвалить красоту его жены и пригожесть сыновей. Мария, тоже немного понимавшая узбекский, покраснела от смущения и удовольствия.

– Вот видишь, я же говорил: нельзя путать, – негромко сказал Андрей и, подойдя к аксакалу с лучшим инжиром, попросил четыре десятка.

Детям инжир очень понравился. Они жевали старательно и долго, улыбаясь от удовольствия, а когда у Жени виноградный лист опустел, он попросил:

– Пап, мне еще.

– И мне, – поддержал брата Виктор.

– Нет, дети. Мне не жалко, но другого тогда не попробуем. Давайте всего понемногу. А еще купим целую корзину на дорогу. Договорились?

Такой расклад Вите с Женей не очень понравился. Они думали, что ничего вкуснее этих небольших сладких ягод нет, но что поделаешь, когда просит отец? Дети нестройно ответили согласием, сами же не отрывали глаз от корзин и ведер с инжиром.

– Ну, малыцы, не вешать носа! То ли еще попробуете, – весело сказал Андрей и, взяв обеих сыновей за руки, повел через толпу в дальний угол базара, где продавали кувшины, плетеные корзины, самодельные бумажные мешочки для фруктов и ремонтировали битую фарфоровую и фаянсовую посуду.

Купили, выбирая сообща, одну большую корзину и три поменьше. Каждому по силе, и – к противоположной стороне от входных ворот. Там, почти вплотную к дувалу, рядок мангалов источал аромат жареного мяса, маринованного в сухом вине. Шашлычники самозабвенно гоняли воздух над тлеющим саксаулом фанерными флажками и призывали покупателей к трапезе. Увидев пограничника с семьей, некоторые из них заговорили на русском:

– Подходи, пальчики проглотишь! Так вкусно...

И в самом деле, вкусно, только шашлык не вызвал у детей особых эмоций: он мало чем отличался от жареного мяса яков, только обжигал перцем. От вторых шампурин Виктор и Женя отказались, и Андрей повел их к «самой-самой вкуснотище». Она была в десятке шагов от шашлычного ряда. Пара тандыров, между которыми на небольшой сколоченной из толстых досок возвышенности стоял огромный чугунный казан. Они подошли к казану в тот момент, когда его владелец начал колдовать над новой порцией нишаллы.

– Вам повезло, сынки. Узнаете, как вкуснотища готовится. Русские называют ее мешалдой.

– Мешает она кому-то, да?

– Нет, ее мешают.

Продавец нишаллы, польщенный вниманием (Андрей рассказал ему по-узбекски, что детям интересно посмотреть на приготовления нишаллы), пояснял на довольно сносном русском каждое свое действие: ловко расколол яйца в отвар солодового корня и вылил только белок, затем бухнул в казан несколько килограммов сахара и принялся сбивать туго связанным пучком урюковых палочек, выполнявших роль венчика. Не вдруг, но смесь в котле начала пениться и становиться белее снега. И лишь когда огромный казан до отказа наполнился белой пеной, пригласил детей, у которых уже потекли слюнки:

– Подставляй давай, пожалуйста, лепешки!

Без скарелности он шлепал специальной дощечкой нишаллу на горячую еще лепешку, сладкая белая пена растекалась и начинала сползать через округлые бока, успевай только подхватывать ее языком, но сделать это своевременно не всегда удавалась, и вскоре дети, да

и Мария с Андреем тоже, испачкали руки и даже лица. Они смеялись над своей неловкостью, а еще над шутками продавцов лепешек и нишаллы.

Весело закончились те угощения, и можно было с легкой душой трогаться во фруктовые ряды. Отец предупредил детей:

– Там ничего пробовать не будем. Все, что захочется, купим. В дороге поедем.

Фруктовые ряды располагались под длинным, почти через весь базар навесом. Здесь воздух, казалось, был пропитан ароматом самых тонких духов, наполнен же негромким протяжным гулом от множества желтопузых ос и толстенных шмелей, которые летали между людьми, ползали по янтарным с белой пылью гроздьям винограда, по налитым соком земли гранатым зернам, по желтым пушистым персикам, похожим на уложенные в горки только что выкупившихся цыплят, но никто не обращал внимания ни на ос, ни на шмелей, продавцы настойчиво, иногда даже хватая за рукава покупателей, предлагали попробовать росный, в пыльце, виноград или кроваво-красную дольку граната. И только Вите с Жеником, когда они вошли под навес, показалось, что эти страшные летучие существа специально слетелись сюда, чтобы укусить их – мальчуганы начали отмахиваться, отчего осы и шмели действительно стали кружиться перед их лицами.

– Не машите руками, а то покусают, – разъяснил отец. – Их не тревожь, они тоже не тронут.

Дети перестали отмахиваться, но подозрительно следить за полетом ос и шмелей все же продолжали, прижимаясь на всякий случай к отцу. Продавцы, видя пустые корзины в руках взрослых и детей, наперебой начали кричать. Требовательно:

– Попробуй!

– Попробуй!

У одного из подносов с самым лучшим, как показалось Андрею, виноградом, он остановился. Не рядясь, вынул и отдал рубль за четыре килограмма, тогда соседи справа и слева, видя такую щедрость, еще громче стали просить, чтобы попробовали ягоды и у них.

Андрей, вопреки предупреждению, что «пробовать ничего не будем», выбрал две большие кисти и подал детям.

– Ну, зачем же ты им немытый дал? – выговорила мужу Мария, но Андрей уже выбирал кисть и для нее. Подавая, успокоил:

– С ветки же. Смотри, еще с пылью.

Она взяла кисть, с недоверием оглядела ее, но виноград был действительно чист, с девственной пылью, налитый солнечным соком. Она попробовала одну ягоду и воскликнула, как ребенок:

– Вкуснота! А ты, Андрюша?

– Буду и я, – ответил он, доставая из корзины гроздь для себя. Потом они покупали гранаты, персики, груши, урюк, и когда корзины и корзиночки у всех наполнились, а дети не с такой жадностью набрасывались на фрукты и ягоды, Андрей молвил:

– Теперь к дыням и арбузам.

Они пересекли тугий людской поток и вышли к центру базара, где под тенью поднятых вверх оглоблями арб горбились желтые и полосатые груды. Некоторые арбы не были распряжены и разгружены, и их хозяева, сидя верхом на лошадях, терпеливо ждали оптовых покупателей. Между этими арбами, между грудями дынь и арбузов неторопливо двигались люди, приглядываясь, прицениваясь, брали в руки понравившуюся дыню или арбуз, хлопали по ним ладонями, прислушиваясь к глухому звуку, спрашивали, точно ли спелый, не случится ли ошибки? Ответ всегда один и тот же:

– Зачем обижаешь? Разве я неспелое что стану продавать?

Посоветовавшись, решили купить дыню с арбузом и здесь же, на специально приспособленном для этого месте, расправиться с ними. Дыню осилили, а вот арбуз – не смогли. Первым отказался Женя. Похлопав мокрой, липкой рукой по животу, сказал:

– Барабан.

– А у меня больше барабана, – ткнув пальцем в живот, признался Виктор и икнул.

– Тогда – пошли, – распорядился Андрей, вытер платком складной нож, убрал его в карман, потом спросил: – Ну, как? Довольны походом?

– Во! – поднял большой палец Виктор.

Только они перешли мост через мутный арык и на улице стало меньше людей, Виктор спросил отца:

– Пап, когда мы пирожки ели...

– Самсу, сынок. Самсу. Пирожки в тандырах.

– Когда самсу ели, ты говорил, что в них курдючное сало добавляют. Из чего оно делается?

Андрей улыбнулся. На базаре дети почти ни о чем не спрашивали, и отец совсем забыл, что они – впервые спустившиеся на землю памирцы. Теперь он понял свою ошибку и обо всем, что они видели на базаре, стал рассказывать подробно, отвечая на все вопросы. Понимал: разговоры о базаре теперь станут возникать долго. И радовался этому.

«Правильно, что сводил. Вряд ли им придется еще побывать в Азии».

За разговорами не заметили, как подошли к вокзалу. До посадки на поезд оставалось не так уж много времени, и Андрей сразу же провел сыновей в сквер у перрона, а Марию послал в камеру хранения занять очередь. Усадив детей на скамейку под тенью акации, поспешил за вещами. Но очередь в камеру хранения оказалась длинной, и они едва успели сесть в вагон. Бежали на перрон бегом, и в купе влетели возбужденные. Дети – сразу же к окну, чтобы не пропустить что-либо интересное, когда поезд тронется, Виктор уже потянулся к занавеске, но Мария остепенила их. Сама откинув шторы, строго предупредила:

– Ничего пока не трогать. Руки у вас грязные. Как отъедем немного, проводница откроет умывальник, умоемся, сменим рубашки, тогда – без ограничений.

Пока умывались и переодевались, поезд, набрав скорость, пронесся мимо хлопковых полей, зажатых со всех сторон, как частоколом, тутовыми деревьями; позади оставались небольшие кишлаки с оплетенными виноградником глинобитными домами, за которыми начинались кукурузные поля, так близко от полотна посаженные, что, казалось, можно схватить из окна вагона цветущие метелки.

Но вот поезд вырвался в бесконечную, выгоревшую на солнце до желтизны степь, а в открытое окно стал врываться сухой горячий воздух. Дышать стало трудней, но Витя и Женя не отходили от окна. За их спинами стояли Мария и Андрей. Лицо у Андрея было задумчивым и грустным, у Марии же светилось счастливой улыбкой...

Глава четвертая

Еще не успев просохнуть и успокоиться после купания, они ворвались в квартиру и заполнили ее радостными возгласами и смехом. Потом расставляли только что привезенную из комендатуры мебель, приглядываясь и примеряясь. И только когда в детской, в спальне и в гостиной мебель была расставлена, Мария решительно, как строгий командир, определила:

– Андрюша, ты – на заставу. И детей возьми. А мне мыть полы и стирать. Обед через полтора часа. Хлеба не забудьте.

Но обедать первый раз в новой квартире всем вместе им не пришлось. Мальчишки вернулись немного раньше назначенного матерью времени, и Витя сообщил:

– Папа в кишлак побежал. Кто-то кого-то набил.

– В поселок, Витя. Здесь кишлаков нет, – поправила Мария сына и добавила: – Поедим поскорей и тоже в поселок ходим. В магазин нужно.

Не собиралась она идти в поселок в первый день приезда, но сообщение сына встревожило ее.

«Если просто драка, Андрюша бы не стал торопиться», – считала она, детям же говорила иное:

– Конфет, пряников накупим. Рыбы копченой. Здесь же море, здесь много рыбы разной.

– Мам, сладкий мячик, как на базаре, купим?

– Непременно, если будут.

– Халвы, мам?

– Ладно, ладно, всего накупим.

После обеда она погладила детям матроски, себе крепдешинное платье, и по-праздничному нарядные пошли они в поселок по мягкой, устланной хвойными иглами дороге. Сдавившие дорогу сосны, развесистые, разморенные жарой, наполняли воздух терпкой смолистой удушливостью настолько, что трудно было дышать, но Мария говорила восторженно:

– Воздух-то, воздух! Целительный. Дышите, дети. Глубоко.

– Голова, мам, кружится, – ответил Витя.

– С непривычки, сынок. Но это вам не Памир.

Первый дом показался неожиданно, будто вынырнула красная черепичная крыша из тесной лесной чаши. Дом, почерневший от времени, был обнесен тесовым забором, тоже темным, в мелких, словно старческие морщины, трещинках.

«Как в Азии от мира отгораживаются», – с неприязнью подумала Мария. Она, с детства привыкшая жить открыто, не скрывая от людей свои радости и горести, не могла понять, отчего многие люди стараются упрятать себя в непроницаемую скорлупу. В Средней Азии ее пытались убедить, что за высокими глинобитными дувалами мужа прячут своих жен от соблазнов, а для чего заборы здесь? Чтобы укрыть свое богатство? Или спрятать нищету?

«Коллективно станут работать, разгородятся. Начали же в Узбекистане рушить дувалы», – рассуждала она, рассматривая другие дома с глухими заборами, и не заметила, как вышли они на большую площадь с островерхим домом в центре. Он отличался ото всех и своей величиной и тем, что стоял весь на виду. Забор же невысокий, плотный, обитый по верху колючей проволокой, примыкал к дому лишь с одной стороны. Возле крыльца этого дома толпились мужчины и женщины. Явно о чем-то спорили, яростно жестикулируя.

– Вон и магазин. Легко так нашли, – удовлетворенно проговорила Мария и повернула к центру площади.

Высокий мужчина в клеенчатой штормовке, стоявший в центре толпы, первым увидел Марию с детьми, что-то сказал своим землякам, и те сразу же примолкли, повернувшись в их сторону, с любопытством принялись разглядывать ее и ребят. Когда Мария подошла ближе, все

приветливо заулыбались, пропуская их в магазин. Мария поздоровалась со всеми, они ответно закивали, а мужчина в штормовке снял кепку, тоже клеенчатую, и сказал по-русски, правда, с сильным акцентом:

– Мы рады приветствовать дорогую гостью. Надеемся, что станем друзьями.

– Непременно, – ответила Мария и протянула руку мужчине. – Будем знакомы. Мария Барканова.

– Залгалис Гунар. Латышский красный стрелок. Член правления нашего кооператива, – пожимая руку Марии, представился Гунар.

Рукопожатие получилось чересчур крепким и, поняв это, он добавил извинительно:

– Саблю держала рука. Карабин. Теперь вот – весла. Отвыкла быть нежной.

– Рука мужчины – крепкая рука, – поддержала его Мария.

Рыбаку понравился ответ молодой женщины, и он тут же спросил:

– Вы не были в латышском доме?

– Не приходилось.

– Я приглашаю вас к себе. Моя Паула – добрая женщина. Вы подружитесь.

– Принимаю предложение. Только сделаю покупки.

Через четверть часа, нагруженные кулками и свертками, они пошагали через площадь к дому Залгалисов, к тому самому, который так неожиданно появился среди деревьев и удивил Марию подслеповатыми окнами и высоким забором. Не меньше удивилась она, войдя через узкую калитку во двор, застроенный множеством сараюшек. А Витя воскликнул:

– Кладовок много как!

– Рыбаку без них нельзя, – пояснил Гунар. – Негде будет хранить снасти, весла, вялить и коптить рыбу. Дрова на зиму тоже лучше хранить под крышей. А та вон постройка, побольше всех, – летнее владение Паулы.

– Чтобы летом не топить в доме и не мучится от жары, в Азии тоже во дворе устраивают очаги...

– А вот и хозяйка дома, – прервал Марию Гунар. – Паула. Станьте подругами.

На крыльцо вышла полненькая, приземистая женщина с удивительно светлым лицом молочной белизны, с румянцем на щеках и яркими губами. Она поздоровалась с гостями по-русски и пригласила их в дом.

В хмурой гостиной, свет в которую пробивался через небольшое оконце, стояли старинной работы буфет, такое же старинное кресло с высокой деревянной спинкой, стол, покрытый вышитой скатертью, и несколько стульев вокруг стола, а на стене, напротив буфета, висела старенькая картина: стройная девушка с распущенными волосами трепетно протягивает руки к штормовому морю, словно умоляя его утихнуть и не причинить зла милому, который ушел в море рыбачить.

Паула усадила Марию в кресло, пододвинула стулья для мальчиков и Гунара, а сама то подсаживалась, вступая в разговор, то уходила на кухню. Мария слушала неторопливый, обстоятельный рассказ Гунара, прерываемый то и дело энергичными репликами Паулы, и вскоре знала о поселке и ее жителях-рыбаках почти все. Магазин, в котором они только что были, разместился в доме бывшего владельца коптильни и гостиницы для курортников Адольфа Раагу, бежавшего в Швецию с семьей на моторной лодке в день объявления советской власти в Латвии. Оставил богач здесь только приемного сына Вилниса и племянника Юлиа Курземниека.

– Братья Курземниеки и я вначале были стрелками Тукумского полка. Ригу защищали от кайзеровцев. Шесть дней у реки Кекавы лежали под немецкими пулеметами. Живы остались. Уцелели у Малой Углы. В штыковой сходились. Потом и пули карателей пролетели мимо, когда расстреливали нас во время братания с немцами. А на Острове Смерти погиб брат Юлиа Курземниека. С Юлием мы потом сколько фронтов в Гражданскую сменили... Юденича гнали.

Потом Каховский плацдарм защищали, в Таврии бились. Крым освобождали. А в это время Вилниса усыновил Раагу. Так племянник красного латышского стрелка стал мироедом.

– Мать Вилниса заболела с горя и умерла, куда же ребенку податься? – энергично вмешалась Паула, ставя на стол большую тарелку с жареной рыбой.

– А когда Юлий вернулся и женился, чего же он к дяде не пошел? – с едва заметным раздражением отпарировал Гунар.

– Ишь ты, чего захотел? У дяди сидеть без дела не пришлось бы, а он уже к роскоши привык.

– Вот-вот. Силой парня отобрать нужно было, – не отступил Гунар.

– Сиди уж... Забыл, что ли, как всем рты затыкали. Это теперь гордишься, что красный латышский стрелок.

– И тогда гордился. Тебя по-русски научил. Всем людям внушал, что за свободу народа воевал.

– Что верно, то верно. Только место для сетей всегда вам с Юлием никудышное доставалось. И сети ваши рвали. Спасибо Озолису и Портниеку... Соседи наши, – пояснила Паула Марии, – а то бы с голоду хоть помирай...

Мария не вдруг поняла, отчего вдруг Залгалисы спорят о каком-то Вилнисе, видимо, молодом парне, который, как думала Мария, обязательно поймет, что нельзя быть мироедом, и станет примерным рыбаком, но чем больше вслушивалась в размолвку супругов, тем понятней ей становилось, что этот юноша чем-то оскорбил их.

– Так что же произошло? – спросила Мария.

– Вы разве не знаете? – всплеснула руками Паула. – Вот ведь беда: сети кооперативные порезали. Говорят, Вилнис напакостил. Если бы не пограничники, порешили бы его наши мужики.

– Племянник красного латышского стрелка – враг советской власти... Позор! – сокрушенно произнес Гунар. – Правду говорил наш комиссар: где нет нас, там есть враг.

– В Средней Азии колхозный хлопок поджигали. Людей убивали. Теперь там хорошо. И у вас наладится. Поймут все. Рассказать бы всем, как там женщин резали за то, что лица открывали, как басмачи на кишлаки нападали, грабили колхозное добро, насиловали и зверски убивали активистов...

– Русский знают у нас только я, Юлий и наши жены, Марута, дочь Озолисов – немного. Как сможешь рассказать?

– Давайте научим всех! Учебники достанем. Я буду читать, а вы переводить. Пока я не выучу ваш язык. Поговорите, Гунар, Паула, с товарищами, спросите, захотят ли?

– Что тут говорить? Все захотят, – горячо заверила Паула. – У многих словари даже есть. Часто меня спрашивают. В клубе будем собираться. Где гостиница, – пояснила Паула.

– А я на правлении скажу. Время определим.

– Вот и хорошо. Давайте ужинать, – как бы заключила разговор Паула и разлила по стаканам домашнего пива.

Домой Мария с детьми возвратилась поздно. Андрей с беспокойством спросил:

– Где ж вы так долго были?

– С замечательной семьей подружились! Такие замечательные! Он был Красным латышским стрелком.

– Мария, я не хочу тебя пугать. Не хочу, чтобы ты как на Памире боялась, но будь осторожна. Вилнис Рагу (теперь он прежнюю фамилию взял, Курземниек) был членом мазпуллены. Существовала у них такая детская организация под крылом кулацко-фашистской

партии. Есть подозрение, что сейчас он поддерживает связь с перконкрустовцами¹ – «Крест Перуна». Фашистская погромная организация. От них всего можно ожидать. Те же басмачи.

– А я, Андрюша, пообещала учить рыбаков и их жен русскому.

– Прекрасное дело! – воскликнул Андрей. – Только договоримся: если придется тебе запоздать, я встречать тебя стану.

– Вполне приемлемо.

На следующий день Паула пришла за Марией и повела ее в клуб. Дорогой энергично рассказывала:

– На правлении так определили: заниматься три раза в неделю, а когда шторм – каждый день. Все хотят знать русский. Все-все. Клуб набился полный.

Мария, слушая Паулу, предполагала, что та преувеличивает, но каково же было ее удивление, когда она увидела переполненный зал. Люди сидели даже в проходах на принесенных из дома стульях и табуретках. С трудом прошла Мария к приготовленному для нее столу, возле которого уже сидел Гунар. Довольный и гордый. В зале кто-то робко захлопал в ладоши, зал подхватил дружно, словно встречали здесь именитого гостя. Мария смутилась.

Когда она работала секретарем райкома комсомола, ей приходилось часто выступать и перед своими сверстниками, и перед пожилыми людьми, однако за годы, которые провела на заставе, отвыкла от таких встреч, а тем более от аплодисментов. К тому же, как она посчитала, аплодисменты пока не заслужены. Мария сразу даже не могла различить лица людей, видела лишь черные, серые, цветастые пятна, стояла, смущенно улыбаясь этим пятнам. Но вот зал начал успокаиваться, смущение Марии тоже прошло, и она увидела много пожилых рыбаков, ровесников ее отца, увидела молодых парней и девушек, по-праздничному нарядно одетых, словно собравшихся на танцевальный вечер, а не на занятие кружка. Ни тетрадей, ни карандашей ни у кого не было, и Мария решила на этом необычном уроке рассказать о себе.

Она говорила о своей рабочей семье, о фабрике, о первых самостоятельных шагах, о решении поехать по путевке комсомола в Среднюю Азию, а Гунар переводил фразу за фразой, ее исповедь. Зал настороженно слушал о памятнике погибшим в боях с басмачеством пограничникам, поставленном в глухом предгорном кишлаке, о рядке молчаливых старцев, о зарезанной женщине, захотевшей вступить в комсомол, о костре, на котором горели паранджи, о безвыездной многолетней жизни на Памире, о погибших на Талдыке строителях дороги, о молодых узбечках, севших, вопреки вековому укладу, на трактор, о разрушенных дувалах, об окнах, вставленных в глухие стены домов – Мария говорила вдохновенно, так же вдохновенно переводил Гунар, а когда она закончила, в зале громко и долго хлопали.

Первым к ней подошел Юлий Курземник, кряжистый мужчина с черной окладистой бородой. Пожал руку и произнес торжественно:

– Я верил, что бился за святое дело. Разгородим и мы заборы.

Ее окружили. Пожимали руки. Называли свои имена и фамилии, а она счастливо улыбалась, стараясь запомнить непривычные фамилия и лица новых знакомых.

Домой Мария шла с Гунаром и Паулой. Гунар все больше молчал, а Паула тараторила без умолку, восхищаясь отвагой Марии, добровольно поехавшей на край света.

– А ты же, Паула, не испугалась выйти замуж за красного латышского стрелка, за опального. Опорой мне стала. И не только мне.

Паула ничего не ответила. Возбужденность ее вдруг сменилась задумчивой грустью. Впервые, быть может, она по-новому посмотрела на свою жизнь.

– Трудно, ох, трудно пришлось, – со вздохом произнесла она, помолчав немного, добавила: – Без любви на такое не пойдешь.

¹ «Перконкруст» (латыш. Pērkonkrusts – «Громовой крест») – латышская националистическая и антисемитски ориентированная организация с фашистской идеологией.

– И не только к мужу. Еще и к справедливости, – в тон ей проговорила Мария, как бы примеряя ее слова к своей судьбе.

– Да, Мария права, – проговорил Гунар. – Человек порыв души осмысливает потом, когда жизнь делает его мудрым.

Дальше шли молча. Хвойные иголки, устилавшие дорогу, мягко пружинили и, казалось, путники словно бесшумно плыли в терпкой душной темноте. Поселок с его редкими желтыми огоньками остался уже далеко позади, говор людей, расходившихся по домам из клуба, смолк, и Мария теперь боялась, что Гунар и Паула вдруг не пойдут с ней до заставы, а распрощаются здесь, но они шли и шли. А она все ждала, что вот-вот появится Андрей (он же обещал встречать), но его все не было.

Вдруг рядом, чуть правее дороги, сухо, как холостой выстрел, хрустнула ветка. Мария вздрогнула, остановилась и стала всматриваться в темноту чащи. Ей даже показалось, что к одному из стволов прижался человек.

– Вон, Гунар... – начала говорить она, но тот спокойно сказал:

– Не надо останавливаться, – взял ее под руку. – Пойдем.

Она подчинилась спокойной просьбе Гунара, хотя недоумевала, отчего он делает вид, что никого в лесу нет и не стрельнула громко ветка под чьей-то неосторожной ногой. Теперь Мария вслушивалась в тишину, надеясь определить, не двигается ли рядом с ними еще кто-нибудь. Но вокруг было тихо.

Слева, между деревьями, затеплился огонек.

«Ну, вот и пришли», – облегченно вздохнула Мария и ускорила шаг.

Когда подошли к калитке, она пригласила Гунара и Паулу выпить перед обратной дорогой по чашечке чая, но Гунар отказался с необычной для него поспешностью. И категорично:

– Нет-нет. Поздно уже. Не надо беспокоиться.

Молча они пожали друг другу руки, и Гунар с Паулой быстро пошли обратно.

«Не ошиблась я, был кто-то в лесу. Был...»

Переступив порог калитки, которую отворил часовой, Мария пошла неспешно через двор к командирскому домику, ласково светящемуся изнутри чистыми окнами. Она наслаждалась тишиной и покоем. Она даже решила не говорить о подозрительно хрустнувшей ветке, а рассказать лишь о том, как много народу собралось в клубе, как внимательно слушали ее, потом долго аплодировали – Мария собиралась поделиться лишь своей радостью, своим счастьем, однако разговор с Андреем получился совсем иным.

Муж оказался дома не один. Вместе с ним сидел за столом и пил чай капитан.

– Гость у нас, Маня. Комендант наш, – сказал Андрей, вставая навстречу жене и целуя ее, как это делал всегда, уходя на службу и возвращаясь домой. – Мы вот тут без тебя...

– Вы уж нас извините. Поговорить хотелось по-домашнему, вот и сообразил Андрей Герасимович чай, – заговорил капитан, выходя из-за стола и протягивая руку Марии. – Капитан Хохлачев. Денис Тимофеевич.

Марии бросилась в глаза похожесть капитана с Андреем. Скорее всего, почти одного с ним возраста, такой же высокий и широкоплечий, как и Андрей, с такой же огрубевшей от солнца и ветра кожей на руках и лице, с обветренными губами (верхняя даже треснутая до крови), да и волосы капитана очень похожие на волосы Андрея, только глаза совсем не такие – карие глаза.

– Мария Петровна, – несмело ответила она и удивилась своей несмелости. Затем сунула руку в карман шерстяной кофточки, которую брала на всякий случай, но так и не надела ее, но вместо платочка вынула небольшой листочек бумаги, свернутый вчетверо. Развернула удивленно, разобрала только восклицательный знак в конце написанного не по-русски текста и протянула листок мужу:

– Что это, Андрюша?!

– Дай-ка, – попросил у Барканова комендант и начал переводить. – Сиди дома, красная... Не переводится тут слово... Если не хочешь... В общем, тут так примерно: муж останется вдовцом, а сыновья сиротами, если, значит, не утихомиришься. Да, угроза серьезная.

– Не иначе, как «Крест Перуна» сработал, – высказал свое мнение Андрей. – Я говорил тебе об этой организации, Маня. От нее всего можно ожидать.

– Но что делать? Вы бы видели, как внимательно слушали они меня! Они хотят знать больше, чем знают. Они русскому хотят научиться. А записка... Для меня она не первая. Я их под дверью много раз находила. Одинаковые, оказывается, враги, что там, что здесь. Трусливо, из-за угла пугают.

– И убивают.

– Андрюша, – с удивлением посмотрела Мария на мужа, – ты зачем это говоришь? Меня испугать? Я же не улитка, Андрюша.

– Но ты мать двоих детей.

Мария вдруг сникала. Села на стул, сложив на колени руки, долго рассматривала их. Неловкая пауза затягивалась. Нарушил ее Андрей:

– Если бы каждая женщина сделала столько же, сколько ты...

– Неужели, Андрюша, это ты говоришь? Ты – и вдруг взгляды мещанина... В революцию тоже убивали! До революции вешали, расстреливали! Убивают и сейчас. В Испании. Вас, пограничников, сколько погибло?! И сейчас ты не застрахован от вражеской пули. Так почему же ты здесь, почему не бежишь в спокойный городишко и не устраиваешься завхозом в детсад? Давай бросим все-все! Закроем ставни, потушим свет и будем сидеть и дрожать. Я поняла тебя. Если бы кто-то приехал сюда, ты восхищался бы, как восхищался когда-то мной. Но теперь я твоя жена...

Мария упрекала мужа, совсем не думая о том, что невольно обижает его, а еще унижает в глазах коменданта. Она боролась за себя, за право быть полноправным человеком. Впервые у них произошла размолвка, да раньше ее и не могло быть: на Памире она никуда не ездила, никого не видела, кроме пастухов, изредка приезжавших на заставу, да еще басмачей. Она иногда даже жалела, что уехала из районного центра, бросила комсомольскую работу и заперлась в четырех стенах; и вот теперь, когда есть возможность снова встречаться с людьми, помогать им, учить их, вдруг на ее пути встал Андрей. Для нее это было и неожиданно, и обидно.

– Ты подумал, как я Пауле в глаза буду смотреть? Другим женщинам? Гунару, рыбакам?!

– Ты не так поняла меня. Помнишь, ты мне призналась, что боялась стариков у карагача, боялась гор... Вот теперь я хочу...

– Не выпускать со двора заставы? Я и сегодня боялась, когда шла домой. Чего? Ветка хрустнула. Крался за нами кто-то. А я буду учить всех, кто хочет учиться. Буду! И рада, что взбудоражила врагов.

– Храбрая ты моя трусиха, – примирительно проговорил Андрей и погладил Марию по голове.

– Вот и примирились, – обрадовался капитан Хохлачев. Добавил после паузы: – Завидую я тебе, Андрей Герасимович. Завидую.

– Ну вот, нашумела на мужа не ко времени, и в примерные вышла, – с улыбкой ответила Мария. – Посидите, я сейчас чай подогрею.

Они долго еще говорили о границе, о фашизме. Потом Мария и Андрей рассказывали о себе, Денис Хохлачев о своей службе в Забайкалье, о погонях за лазутчиками бывшего атамана Семенова, о схватках с кулацкими бандами, о новом совхозе, названном по просьбе жителей «Пограничный» – они говорили обо всем и не знали, что в это время кто-то кирпичом выбил окно в доме Залгалисов...

Глава пятая

Мария проснулась, посмотрела на часы и почувствовала что-то неладное: пора уже было приносить детей роженицам, но в коридоре не слышалось привычного для этого утреннего часа требовательного плача, за дверью лишь беспрестанно сновали, приглушенно и тревожно переговариваясь.

Все соседки Марии по палате спокойно посапывали. Мария всегда просыпалась заранее и ждала, когда принесут кормить дочь, а соседок няня каждый раз, подавая детей, будила. Женщины, еще как следует не проснувшись, давали детям грудь, ласково ворковали с довольно мурлыкающими сыновьями, а как только няня уносила их, вновь засыпали. Мария завидовала их спокойствию, тоже старалась больше спать, но ей не спалось. То она тревожилась о дочке, не голодна ли, перепеленована ли? То думала об оставленных у Паулы и Гунара сыновьях, то об Андрее, который приехал к ней на второй день после родов, принес букет цветов и непривычно виновато сказал:

– Не обижайся, Маня, если больше не смогу навестить вас. Поправляйся. Галчонка нашего (они договорились заранее, если дочь, то назвать ее Галей) корми хорошенько. Приеду за вами в день выписки.

Она знала, что Андрей занят, но все же ждала его, чтобы увидеть, как он выглядит, не похудел ли, услышать от него о Викторе и Жене. Ей хотелось, чтобы на ее тумбочке стояли не выделенные соседками цветы, а принесенные мужем. Сейчас Мария с завистью слушала мерное посапывание соседок, пытаясь вместе с тем понять, что произошло в роддоме, почему не несут кормить детей? Но как она ни напрягала слух, разобраться, о чем переговаривались в коридоре, не могла. Время шло, детей не несли, тревога, царившая в коридоре, начала передаваться Марии.

«Что такое? Отчего все бегают?»

Она услышала грубые мужские шаги. Мужчины шли молча. Потом заговорили. Один резко, требовательно, другой мягко, спокойно.

– Посчитали, сколько нужно машин?

– Безусловно. И для рожениц, и для обслуживающего персонала, и для имущества.

– Имущество уничтожить. Эвакуировать только женщин и детей.

– Как вы считаете, если кто из местных не захочет уезжать, стоит их принуждать?

– В первую очередь жен краскомов и местного партийно-комсомольского актива. Принуждать никого не будем. Как подойдут машины, немедленно приступайте к эвакуации.

Эвакуация?! Недобрым предчувствием сдавило сердце Марии от этого непривычного, едва знакомого ей слова. Она еще не могла осознать, сколько горя и страданий, сколько смертей от бомб и снарядов, от голода и болезней скрывается за этим звонким и даже красивым словом: она даже не могла себе представить, что скоро это слово станет одинаково известно и ребенку, и старику, а люди поделятся на эвакуированных и неэвакуированных – Мария еще не осознала, что началась война и первые толпы беженцев уже потянулись по приграничным дорогам, она пока что задавала себе тревожный вопрос: «Неужели Андрей был прав?»

Несколько раз Андрей предлагал ей уехать с детьми к родителям, говорил о возможной скорой войне, а она всякий раз отвечала ему одним и тем же вопросом:

– Кто ж тебя тогда обогреет? Никуда я не поеду.

Она понимала заботу Андрея о детях, о ней, знала, что застава почти каждый день задерживает нарушителей границы, вооруженных, с портативными радиопередатчиками и картами, слушала, как Андрей и капитан Хохлачев (он, приезжая на заставу, всегда заходил к ним домой) говорили, что фашисты отчаянно пытаются создать «пятую колонну» в приграничных районах, и делали вывод: скоро быть войне.

Видела Мария и перемены в поселке. С весны на ее занятия стало приходиться все меньше и меньше народа, а провожали ее до дома кроме Залгалисов еще несколько мужчин. Стала избегать встреч с ней и соседка Залгалисов Марута Озолис, полная, как уточка, девушка. Прежде она всегда ждала Марию у входа в клуб и, здороваясь, обычно гладила своей пухлой щекой ладонь Марии. Теперь, наоборот, дежурили у входа в клуб Вильнис Курземниек и еще два незнакомых Марии парня, и стоило только Гунару или другим мужчинам припоздниться, они обзывали Марию «пузатой шлюхой», грозили ей, но едва только кто-нибудь из учеников появлялся на крыльце, сразу же замолкали. А один раз эти парни кинулись было на нее с кулаками, но новый шофер кооператива Роберт Эрземберг кинулся на помощь, и парни, струсив, ретировались.

На следующий же день, как Роберт прибыл в поселок, он пришел на занятие кружка и вскоре стал активным и самым успевающим учеником. Мария восторгалась им, но ни Андрей, ни Гунар не разделяли ее восторга. И даже после того, как он защитил ее, Андрей сказал задумчиво:

– Хорошо, конечно, но я не верю ему...

Помолчав немного, перевел разговор на то, что лучше всего ей уехать с детьми в родительский дом. Хотя бы на лето.

– К осени, если не начнется, вернешься.

Она прижалась к нему, обняла, заглянула в глаза и сказала упрямо:

– Не оставлю одного! – И, поцеловав, спросила с надеждой: – Может, Андрюша, и не будет никакой войны? В газетах и по радио...

– Мне, Маня, газеты и радио не указчики. Я своими глазами вижу. Очень сложная обстановка. Только странно, наши доклады словно не слышат...

Теперь вот Мария особенно ясно вспомнила тот их разговор за несколько недель до отъезда в роддом. А перед самым отъездом детей они отвезли Залгалисам, кооперативный грузовик уже стоял у калитки заставы, все необходимое было уложено в чемодан, и она предложила:

– Присядем перед дорогой.

– Давай.

Молча посидели минутку, встали, он поцеловал ее и, взяв чемодан, сказал со вздохом:

– Как все не вовремя...

– Андрюша, ты о чем? – с обидой спросила она. – Ты же сам хотел дочку.

– Ты знаешь, о чем я говорю, – ответил он, потом добавил извинительно: – Ладно, не буду больше. Тебе сейчас нельзя волноваться. Поезжай спокойно. Все, возможно, будет в порядке. «Вот тебе – будет в порядке. Эвакуация. Да это же война!»

Коридор наполнился детским плачем: детей понесли на утреннее кормление. Марии принесли дочь в последнюю очередь. Няня, подавая Галинку, сказала с явной грустью:

– Корми поскорей. И собирайся в путь.

– А что происходит?

– Война, доченька. Гитлер полез. За тобой, сказали, муж машину направил. Корми свою крошку, а чемоданчик и одежду твою сейчас принесут.

В самом деле, одежду и чемодан с детскими вещами сестра-хозяйка принесла очень скоро. Бросила одежду на стул, поставила чемодан у кровати и сухо сказала:

– Сама одевайся. Помогать некому. Эвакуация. Машина ваша уже во дворе. Торопитесь. Круто повернувшись, засеменила из палаты.

Необычная резкость и невнимательность Марию вовсе не задела. Она даже не заметила этого. С тоской задавала себе вопрос: «Что же будет? Что же будет теперь?!»

Запричитали, всхлипывая, соседки:

– Таких крошек везти! Что делается? Может, не ехать, Мария? Детей загубим. Немцев сюда не пустят. А если пройдут – они же люди. Кормящих матерей и детишек разве тронут?

– Помогите лучше мне, чем слезы лить. Я лично не могу остаться. Сыновья ждут. Муж на заставе. А немцы? Они ведь – фашисты. Так что решать каждому по своему разумению.

Говорила деловито, словно не ныло тоскливо сердце, не переполнялась душа тревогой.

Соседки, продолжая причитать и всхлипывать, поднялись, и одни стали помогать собраться в дорогу Марии, другие сами стали готовиться к эвакуации. Через несколько минут Мария, попрощавшись с соседками, направилась к выходу.

Во дворе у машины ждал ее Эрземберг. Он стоял неподвижно и смотрел вдаль. Лицо его было злое, взгляд отрешенный. Мария, всегда видевшая шофера приветливым, улыбающимся, подумала: «Вот она – война», – и окликнула его.

Эрземберг повернулся, посмотрел на нее зло, отчего Марию оторопь взяла, но тут же его взгляд потеплел, на лице появилась улыбка.

– Давно жду вас, Мария Павловна. Спешить нужно!

Голос непривычно жесткий, неприятный. Зябко стало Марии, а память услужливо подсказала слова Андрея: «Не верю я ему», – она даже подумала, не вернуться ли ей в корпус, она даже повернулась было, но Эрземберг взял у нее чемодан, легко запрыгнув в кузов, поставил чемодан поближе к кабине и, спрыгнув, открыл дверку кабины.

– Прошу. Дайте ребеночка поддержку.

Приветливый тон, обычный мягкий голос. Мария ничего не могла понять. Она села в кабину, взяла поданную Эрзембергом дочку и, укладывая ее поудобней на коленях, пыталась успокоить себя: «Нельзя так подозрительно относиться к людям. Не нужно».

Но спокойствие не приходило, предчувствие чего-то недоброго сжимало сердце.

Предчувствие ее было совсем не случайным. Роберт Эрземберг был перконкрустовец. Послал его в приграничный поселок сам Густав Целминьш – главарь «Перконкруста». Эрземберг должен был добросовестно работать, стать активным членом кооператива и в то же время тайно, опираясь на бывших айзсарговцев², запугивать рыбаков, настраивать их против советской власти, а когда настанет долгожданный час – убивать, убивать и убивать...

Все у Эрземберга, как ему казалось, шло хорошо. За добросовестную работу его несколько раз премировали, с ним члены правления даже советовались, его хвалила жена начальника заставы за успехи (знала бы она, что он прекрасно говорит по-русски), ему вполне доверяли, а он в это время, используя Вилниса Курземниека, сеял смуту в поселке, нагонял страх на рыбаков. Эрземберг был уверен, что как только начнется война, он повезет ценности кооператива, с ним поедут председатель правления и партийный секретарь (Эрземберг был уверен, что только они побоятся немцев и побегут из поселка), он уже заранее обдумывал, как лучше уничтожить этих руководителей, деньги спрятать в лесу и, вернувшись в Ригу, доложить о выполненном задании. Эрземберг считал, что когда в Ригу придут немцы, он получит за свои успешные дела приличный пост и станет жить, как жил до прихода советской власти. Но планы его неожиданно пошатнулись. Его вызвал председатель правления кооператива и сказал:

– Начальник заставы просит эвакуировать его семью. Привези Марию Петровну из роддома.

– А как же с эвакуацией кооператива? – едва скрывая недовольство, спросил Эрземберг.

– Поезжай быстрее. Мы подождем тебя.

Эрзембергу казалось, что председатель хитрит, не хочет давать важного поручения, и отсылает его из поселка специально, хотя мог бы в роддом, до которого всего полсотни километров, направить второй, старенький грузовик. Эрземберг готов был хоть сейчас выхватить пистолет и стрелять, стрелять, но, понимая, что это равносильно самоубийству, сдержал себя. Он хотел жить. Согласно кивнув, поспешил к машине.

² Айзсарги (*латыш. Aizsargi* – «защитники») – военизированное формирование в Латвии в 1919–1940 гг.

Сразу же за поселком он выжал из своего ЗИСа предельную скорость. Бетонная дорога стремительно набегала, разрывая то густые рощи, то пшеничные поля, уже заколосившиеся, но Эрземберг не замечал ни деревьев, ни пшеницы, ни осанистых усадеб среди этих полей – он крутил баранку, сам же думал со злостью: «Уйдут! Выскользнут! Но я рассчитаюсь за них с ней! Заташу в лес!»

Он даже представлял, как испуганно будет смотреть на него молодая русская женщина, молить о пощаде ради ребенка, но он останется неумолимым. Его возбужденное воображение рисовало картины того, что произойдет в лесу: он отбросит ребенка, сорвет с нее платье, а она будет рваться к дочери. Ему сейчас показалось, будто он слышит истошный крик ребенка и столь же истошный крик матери – он распялял себя гневом и злобно крутил баранку.

«Нет! Нет тебе пощады, коммунистка! Будешь знать, как учить рыбаков русскому!»

Однако чем дальше от поселка отъезжал Эрземберг, тем больше успокаивался, трезво оценивая сложившееся положение.

«Нужно успеть к эвакуации правления. Председателя, секретаря партийного и ее с детьми. Вот тогда – в лес. Всех сразу!»

Стоя во дворе больницы, он мысленно торопил жену начальника заставы. Теперь ему казалось, что она специально медлит, словно знает его замысел. Он вновь начал распяляться, оттого таким гневным взглядом встретил ее. Мария же, сидя в кабине врага, пыталась успокоить себя и бережно держала на коленях спящую дочурку. На Эрземберга не смотрела. А его лицо опять наливалось гневом, ибо он вновь подумал, что может опоздать, что не застанет ни председателя, ни партийного секретаря, ни кассы, и так тщательно готовившаяся расправа не свершится, а его, кому поручено нести крест Перуна, встретит начальник заставы и станет благодарить за оказанную услугу. Эрземберг не мог смириться с таким оборотом дела.

«Смерть ей! Смерть!»

Дорога втягивалась в густой лес, и он уже сбавил газ и начал тормозить, но в это время из-за поворота показалась колонна танков и автомашин с красноармейцами, и Эрзембергу пришлось посторониться на обочину и еще больше сбросить скорость. Не зная зачем, он начал считать танки и машины.

«Полк? Дивизия?!»

В душу его вкралось сомнение: все ли будет так, как обещали в Риге? А если немцев не пустят?

«Что, девицей стал, Роберт? – ругнул он себя, когда колонна прошла. – Что ты ответишь Густаву Целминышу? Он нерешительных не любит».

Но появившееся сомнение не уходило, да и по дороге теперь одна за другой шли встречные машины с грузом и людьми. Он боялся, что стоит только свернуть в лес, жена начальника заставы поднимет крик, и тогда он не сможет выкрутиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.